

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ: Мы сидим, лежим, валяемся, но на правильном пути

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Сейчас сильную позицию начали занимать эстрадные авторы. Но ведь литература — это немножко не то. Может быть, поможем литературным юмористам?

— У нас сейчас есть такой Женья Шестаков — очень талантливый человек. Он как раз пишет так, что невозможно читать вслух. Или Слава Верховский — тоже один из немногих. Запомните эти две фамилии. Эстрадные авторы почувствовали вкус «устного» успеха. Устное слово быстрее дает отдачу, и человек испорченный этим уже не может вернуться к литературе. Интернет — это возвращение к письменности. Надеюсь, что так оно и произойдет.

— Меня зовут Леонид Иванович. Вы пишете в стиле Шолом-Алейхема. Выступаете как Аркадий Райкин. Кто вам ближе?

— Если бы я спросил: на чем вы предпочитаете ездить — на автомобиле или на автомате для газированной воды, это так же было бы непонятно. Один — писатель, другой — артист. Когда сижу за столом, я, говоря вашими словами, ближе к Шолом-Алейхему. На сцене — к Райкину. Мне еще Райкин говорил: «Ты когда-нибудь выйдешь сам на сцену». Поэтому с огромным удовольствием я совершенствуюсь больше как артист. Как писатель, может быть, уже не так.

— Алексей Иванов. А какие газеты вы читаете?

— Те, где печатался. Ищу себя. Газеты стали толстыми, как в Нью-Йорке. Читаешь и бросаешь. К сожалению, после прочтения часто приходится мыть руки. Назовем это типографской грязью.

— С вами говорит ваш тезка и сверстник. Чтение для вас является таким же важным элементом жизни, как и прежде?

— Да, таким же необходимым. И дай Бог, чтобы глаза не отказывали, потому что я все время, все бессонные ночи трачу на чтение. Сейчас, когда такое количество литературы, я думаю: скорее надо читать, пока не запретили. Особенно мне нравятся философские книги — Ницше, Сартр и другие. Снова перечитываю, как ни банально это звучит, и Толстого, и Чехова. Чехова читаю по третьему, по четвертому разу, просто чтобы не потерять язык, понять, откуда все идет.

— А из современной литературы?

— Из современной — я пытался Акунина читать — люблю детективы. Но для меня если уж детектив, так я должен оттуда черпать информацию, хотя бы как свершится настоящее правосудие, как жизнь протекает. А ведь у Акунина не прочтешь, как она протекает, он сам где-то об этом читал. Пытаюсь понять Пелевина. Мне нравится его язык, юмор, но я не всегда могу дотянуть до конца. Там мне чего-то иногда не хватает. Кроме жизни в сюжете, должна быть жизнь во фразе, в слове и, простите, душа.

О политике

— Григорий Михайлов. Почему юмористам все время задают вопросы о политике?

— Меня еще и зовут в политику. В Думу много раз приглашали, например, избираться от партии «Демократический выбор». Я долго объяснял очень симпатичным людям, что не умею. Особенно не могу быть в парламенте, потому что плохо оскорбления переносю, а там без этого не обойтись. И тебя оскорбляют, и ты должен будешь всгаться и оскорбить встречно.

Об эстраде

— Евгений Филиппович, Москва. На эстраде засилье людей, не имеющих к искусству никакого отношения. Все решают деньги?

— Действительно, деньги решают все. Цензуры нет. И больше всего, конечно, мы боимся, если кто-то скажет: давайте запрещать, давайте проверять. Нет, плохое отпадет само. Только талантом можно бороться против бездарей. Шашкой уже боролись: герои Розова били шашкой статуэтки и шкафы. Будем ждать появления больших талантов, чтобы уйти от юмора ниже брючного пояса, извините меня.

О чувстве юмора и остроумии

— Меня зовут Дворникова Лариса Александровна. Как бы вы отнеслись к такому указу президента, что каждый россиянин должен обязательно иметь чувство юмора?

— Ха-ха-ха, я бы отнесся к этому указу замечательно. Только куда девать тех, кто без чувства юмора?

— Я думаю, что пост российского министра сатиры и юмора все-таки за вами, а указы будут выполнять те, кто имеет чувство юмора.

— Будем надеяться. Чувство юмора — это странная штука. Существует два понятия: остроумие и остроумие. Остроумие — обработка слова, каламбур. А остроумие — восприятие душой.

— Говорит Зураб Вирибан. Вас не утомляет, что от вас везде и всегда ждут остроумия?

— Сказать, что утомляет, нет. У меня, конечно, есть заготовки. Но мне интересно.

О жизни

— Добрый день, вас беспокоит виолончелист Александр Борисов. — Здравствуйте, собрание скрипачей считаю открытым.

— Вы только вернулись из Одессы? Опишите ощущения от города?

— Вы спрашиваете об Одессе или о Москве?

— Конечно, об Одессе, о Москве и так все понятно.

— Ох-ох, вот мы все потеряли оптимизм. А я хочу сказать, что Москва вообще встречает как Париж. Москва настолько хороша стала, что передать трудно. Недавно был в Минске и как бы переехал из цветного в черно-белый мир, попал сразу во времена своей молодости. А теперь об Одессе. Она тоже похорошела, как всякий город, попадающий во власть частной собственности. Вот там, где я живу, в Аркадии, заснуть невозможно. Тысячи дискотек. Танцуют одновременно тысячи сто человек. Разочарованных, нищих, обедневших, не знающих, где себя найти. И в ужасе от этой жизни танцуют всю ночь. И музыка, от которой ни уснуть, ни проснуться. Я все знаю наизусть, особенно мне нравится, когда всю ночь звучит «Хочешь я убью соседей, чтобы не мешали спать».

— Михаил Михайлович, вы какой системой педагогики пользуетесь, когда воспитываете своих детей?

— Только показом собственного примера. У меня сейчас великолепный сын Митка, пяти лет. И только собственным примером. Это называется «следите за рукой» — следите за отцом, и больше ничего.

О разном

— С вами говорит Игорь. Как вы относитесь к астрологии, эзотерическим наукам?

— В прошлом году я получил звание «Лучший психотерапевт года». Это было в Москве, на съезде психотерапевтов СНГ. Думаю, эти ребята знают, если они выбирают. Я не знаю толком, что это за наука, я просто знаю, что американцы друзей не имеют, ходят к психотерапевту, мы имеем одного друга, который в этой роли выступает. Он малоквалифицированный, но выслушивает — в основном за водку. У них квалифицированный психотерапевт, который за деньги принимает эти слезы на свое плечо.

— День добрый. А снимались ли вы в кино?

— Предлагали роли всяких убитых. Полковников, капитанов. Если ранняя смерть — я отказывался. Хотел жить долго и в кино тоже. Поэтому не удалось ничего.

— А можно мне нескромный вопрос?

— Вы перешли к нескромным вопросам? Давайте.

— Слушаете ли вы себя в записи и нравитесь ли себе?

— Нет. Я себе никогда не нравлюсь. Иногда с ненавистью гляну, и лучше где-то закрыться одеялом, потому что нравиться себе — это ужасно.

О будущем

— У меня вопрос: будет ли наша страна жить еще лучше, чем сейчас. Или это практически невозможно?

— Думаю, есть много людей, они расскажут, как это можно сделать. Вот, например, когда я жил при советской власти, мне казалось, что жить можно лучше, но не знал как. Сейчас мы видим как и насколько, но все-таки это должно образоваться само собой. Мы как вечные двоечники, все ищем подсказку, все жаждем списать. Но мы должны сами этим заниматься. Я уже сто раз говорил, что мы сидим, лежим, валяемся, но на правильном пути.

— С вами говорит ваша поклонница Валентина Семеновна Максимова, москвичка. Почему вас нет на телевидении?

— Скоро появятся, недели через две. Я суеверный человек, никогда не объявляю о своих проектах.

— Саша Кириллова. Я слышала, у вас будет новый спектакль?

— Да, Михаил Левитин начинает репетировать в театре «Эрмитаж».

— Полностью ваш текст? Новые вещи?

— Да. Спектакль «Одесские дачи», должен выйти месяца через три.

— Партыцкая Екатерина Францевна из Уфы. Я ваш голос очень рада слышать. Это надолго поднимет меня. Я серьезно заболела. Я сейчас не могу работать, лекарства на свою пенсию — 633 рубля — купить не могу. Единственное хорошее — это вы у меня. Я просила своих достать что-нибудь ваше, но нет у нас этого.

— Я вам пришло свою книжку, пусть она вам действительно как-то помогает. И желаю вам главного — здоровья, облегчения.

Сусанна АЛЬПЕРИНА

Жванецкий Михаил

ИЗВЕСТИЯ —
«Прямая линия»

Михаил
ЖВАНЕЦКИЙ:

Известия 2-2000
- 28 окт -
- 617

Мы сидим, лежим, валяемся, но на правильном пути

ВИКТОР АХЛОНОВ

К «Прямой линии» Михаил Михайлович подготовился основательно: прямо в кабинете сделал зарядку, чтобы прогнать сон, и подбодрил сам себя: «Чуть что — сразу скажу: куда вы звоните? Вы не туда попали! Это не редакция, это — база».

О телевидении

— Добрый день. Выступлением о телевидении, на которое так отреагировало НТВ, вы обозначили реальный разлом среди людей, которые считали себя интеллигенцией. Как складываются отношения с этой группой?

— Я пока не занимаюсь отношениями, и то, что вы прочли, написал, честно скажу, год назад. И это попало! Но этот давно написанный крик души — не отношения с НТВ. Это отношение к пишущим, к заголовкам, к крови, к ужасам, к бесконечным новостям, которые начинаются с выстрелов, разрывов, с морга. Людям, живущим за границей, которые слышали только выступление НТВ и не читали эту статью, стало страшно: что со Жванецким? Что, он теперь защищает президента и набрасывается на свободу слова? Я не говорю о запретах! Я говорю о совести: человек пишущий или показывающий должен понимать, что ребенок стыдно учить воровству, мату, а женщине беременной нельзя показывать столько крови. Иначе мы получим то население, которое сами и заслуживаем. Думаю, НТВ воспользовалось ситуацией, потому что я ни словом, ни духом их не упоминал. И сейчас все спрашивают: какие у вас отношения с НТВ? Да у меня хорошие. Это у них со мной вдруг возникли разногласия.

О периодике и литературе

— Станислав Анатольевич Ворсанович. Вы выпускаете замечательный журнал «Мага-

зин». В киосках он не продается, более того, я оформил подписку на второе полугодие и ни одного номера не получил. Можно ли исправить эту ситуацию?

— Нет. Мы не бизнесмены, у нас не получается с коммерцией. Разве что он сам пробьет себе дорогу. Сейчас все нужно раскручивать, а в какую сторону — не знаем. Нам в бизнесе не везет. У нас нет таланта. Бедный покупает мебель сразу после подорожания. Это его характер. Чтобы оставить у вас надежду, я вам говорю: будем пытаться.

— Виктор Иванович Коняхин. «Приказал долго жить» журнал «Крокодил». С «Магазином» тоже проблемы. В начале века юмористические издания выходили десятками. В чем тут юмор?

— Засилье не печатных, а печатных изданий. Печатных меньше. Я думаю, вы не правы: довольно много каких-то изданий по поездкам, по самолетам продаются. «Вокруг смеха», бесконечные собрания анекдотов... Все идет на продажу!

— Раньше каждый сатирический журнал выхватывался для того, чтобы там что-то прочесть, а не только посмеяться. Сейчас уже сатира так не нужна, потому что масса газет этим занимается. Опускается публика, и страшно страдает вкус. Я не знаю, как из этого круга вырваться. Надеюсь, с помощью таланта.

(Окончание на 7-й стр.)